

**“ТИХИЙ ДОН” М. А. ШОЛОХОВА:
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ**

**“AND QUIET FLOWS THE DON” OF MIKHAIL A. SHOLOKHOV:
TEXTOLOGICAL ISSUES PERTAINING TO THE SCHOLARLY EDITION**

DOI: 10.31857/S241377150003064-3

Научное издание романа М.А. Шолохова “Тихий Дон”, вышедшее двумя небольшими тиражами в 2017 г. [1], стало знаменательным явлением отечественной культуры и науки. В этом издании¹ впервые представлен текст великого романа, очищенный от ошибок, опечаток, цензурных и редакторских искажений. Ученые ИМЛИ РАН² предложили результат многолетнего исследования истории и генезиса текста “Тихого Дона” по всем доступным рукописным и печатным источникам, изученным в контексте факторов разнонаправленного влияния на процессы создания, публикации и переизданий книги – с осени 1925 г. (автографы с первыми вариантами начала) до осени 1983 г. (резолюция автора о внесении поправки в текст последнего прижизненного издания).

Такой комплексный подход стал возможным после приобретения Российской академией наук рукописных материалов (920 страниц формата 22×36) в 1999 г. Найденные автографы ранних вариантов начала, черновых набросков и редакций (673 страницы) и авторизованные копии отдельных глав первых двух книг “Тихого Дона” открыли возможность для прояснения особенностей различных этапов творческой работы автора над текстом первых пяти частей романа. Рукописи, воспроизведенные в факсимильном издании в 2005 г. [2], были введены в научный оборот и дополнили рукописное наследие писателя, хранящееся в различных архивах Москвы и Санкт-Петербурга – рукописных фондах ИМЛИ РАН, РГАЛИ, Государственного литературного музея и ИРЛИ РАН. Расшифровка этих рукописей была опубликована в 2011 г. [3]

¹ Редакционная коллегия: Н.В. Корниенко (председатель), Г.Н. Воронцова, Ю.А. Дворяшин, А.Б. Куделин, Ф.Ф. Кузнецов, В.В. Полонский, А.М. Шолохов, А.М. Ушаков, Е.А. Тюрина (секретарь).

² Исследование осуществлялось небольшой группой текстологов в составе А.М. Ушакова (научный руководитель и редактор томов), Г.Н. Воронцовой, Ю.А. Дворяшина, И.П. Казаковой, А.А. Козловского и Е.А. Тюриной. На начальном этапе в работе принимали участие Ф.Г. Бирюков и В.В. Васильев.

Авторы “Текстологических послесловий”: Ю.А. Дворяшин (первый том), Г.Н. Воронцова (второй том).

При подготовке научного издания ученые ИМЛИ РАН впервые создали единый свод источников текста “Тихого Дона”, включив в него не только все доступные рукописные материалы, но и авторизованные издания, выявленные в процессе формирования системы разночтений, редакций и вариантов отдельных фрагментов текста и романа в целом.

Как показало исследование, фрагменты романа и его полный текст печатались при жизни писателя 342 раза тиражом более 20 миллионов экземпляров и содержат более четырех тысяч разночтений. При этом были обнаружены различия не только технического характера, возникшие в результате погрешностей подготовки текста к печати и типографского набора, но и структурно-сюжетного, выраженного в дополнениях, изъятиях и заменах фрагментов текста разного объема – от отдельных слов, словосочетаний и фраз до абзацев и целых глав.

Структурные, лексические, стилистические, морфологические и синтаксические разночтения, выявленные в прижизненных изданиях “Тихого Дона”, далеко не всегда имели творческую природу и, как показал анализ историко-биографических источников, укоренились в текстах изданий благодаря автоцензуре, редакторскому произволу, проекции политических и идеологических трансформаций на эдиционную практику, на протяжении нескольких десятилетий прошлого века стремительно менявшую представления читателя о трагических событиях революции и гражданской войны на Дону, разрушивших уклад жизни, язык и культуру казачьего мира.

В ходе исследования аналитические задачи были ограничены представлением в издании “научно выверенного текста” [1, кн. 1, с. 10] и текстологических послесловий, предлагающих краткую историю текста и аргументацию текстологических решений при формировании свода поправок в выбранный основной текст каждой из четырех книг. Такой подход демонстрирует новую модель представления научной публикации, существенно отличающуюся от традиций, сформировавшихся в первой половине прошлого века и укоренившихся в собраниях сочинений отечественной классики последующих десятилетий вплоть до настоящего времени.

Так, согласно традициям, помимо основного текста с внесенными поправками по всем прижизненным изданиям, обычно в состав научной публикации произведения включаются своды разночтений и других редакций и вариантов, подробные комментарии и статьи источниковедческого, литературоведческого, историко-литературного и биографического характера, примечания, поясняющие упоминания исторических реалий и смысл языковых форм, не зафиксированных нормами литературного языка, а также различные указатели.

Между тем в случае с “Тихим Доном” публикация такого научного аппарата увеличила бы объем и время подготовки издания в несколько раз. Кроме того, своды разночтений и вариантов текста, традиционно представленные в отдельных разделах и не снабженные соответствующими пояснениями, как показывает практика, редко привлекают внимание и цитируются даже специалистами в силу своей фрагментарности и отсутствия связей с контекстом, структурными и стилистическими особенностями целостного текста источника, из которого они извлечены, а поэтому трудозатраты по включению их в состав научных изданий кажутся малопродуктивными. К тому же комментарии, предполагающие полноту информации о внешних факторах создания, публикации и изданий произведения, нередко нивелируют интерес к процессу трансформации смыслов текста и природе его вариативного существования. Да и понятие полноты информации весьма относительно, поскольку периодически появляются данные, концептуально меняющие состав и содержание существующих полных собраний сочинений и подчас требующие новых изданий, как это случилось с сочинениями А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др.

Переиздания полных собраний сочинений отечественной классики в последние два десятилетия пробудили научную мысль и проявили необходимость в пересмотре или даже отказе от методов и подходов [4], [5], [6], [7], [8], узаконенных в теории и практике традиционной текстологии.

Принципы отечественной текстологии формировались в процессе подготовки академических собраний сочинений А.С. Пушкина. Как заметил С. Бонди, “пушкинская текстология сделалась представительницей русской текстологии вообще. На Пушкине главным образом, как известно, выковывались методы чтения рукописей, методы издания их, методы редактирования классиков русской литературы” [4, с. 143].

Между тем, например, как утверждал М.И. Шапир, текст “Евгения Онегина”, “перепечатываемый под таким названием многомиллионными тиражами, не соответствует ни одной из прижизненных публикаций романа”, в том числе и последнему подготовленному самим Пушкиным изданию, вышедшему незадолго до его смерти в 1837 г., и “эту традицию вольного обращения с подлинником продолжают так называемые

научные, академические издания” [5, с. 275]. Обнаруженные им неточности в подготовке Б. Томашевским текстов Пушкина привели к выводу о необходимости изменения традиционных текстологических подходов: «Если мы хотим читать русскую классику в подлиннике, а не в переводе на язык другой культурно-исторической эпохи, мы должны наконец покончить с практикой редакторского “сотворчества” и начать исповедовать принцип “презумпции невиновности текста”», согласно которому “в авторитетном источнике, избираемом за основу, исправлять (да и то с оговорками) можно только явные или весьма вероятные описки и опечатки, а все прочие спорные и сомнительные места должны оставаться предметом обстоятельного текстологического комментария. Не гарантируя текст от искажений, этот принцип сведет их к минимуму” [5, с. 302].

Предложенный принцип, теоретически, не может вызывать возражений. Однако на практике, как показали исследователи текста “Тихого Дона”, искажения, отнесенные к категории “вероятных”, требуют тщательного анализа, поскольку, во-первых, в прижизненных изданиях авторская принадлежность изменений неочевидна, а во-вторых, ошибки и опечатки возникали в результате не только чужого вмешательства, но и авторской правки. Таким образом, выбранный основной текст, впрочем, как и любой другой печатный текст, не обладает свойством аутентичности, а значит, на него не может распространяться “презумпция невиновности”.

Таким образом, в настоящее время явственно проявилось понимание того, что “кризис современной текстологии со всей определенностью обозначил изъяны тех принципов, по которым в Советском Союзе издавалась русская классика. <...> Сегодня эти принципы не обязательны и не авторитетны, но за последние годы мало что изменилось. Современные издания по-прежнему искажают авторский смысл русской классики” [6, с. 3].

Поиск новых форм представления филологического знания в научном издании “Тихого Дона” привел к пониманию необходимости в определении методологических принципов, обеспечивающих систематизацию собранной информации, подчиненную решению первостепенных задач выбора основного текста и обоснования внесенных в него поправок.

Оказалось, что для этих целей одной критики текста недостаточно. Необходимо выстраивание истории текста и осмысление генезиса всех выявленных разночтений и вариантов. Применение *историко-генетического метода* впервые позволило рассмотреть изменение текста в контексте влияния меняющихся факторов внешней среды – исторических, политических, литературно-критических, издательских, цензурно-редакторских и биографических событий. При этом текстологи руководствовались принципами *достоверности, обоснованности и документированности*, отказываясь от

вероятности и неопределенности текстологических решений, постулируемых в традиционной текстологической практике в течение прошлого и нынешнего веков [5], [8].

Формирование такой методологии было обусловлено необходимостью анализа сложных взаимосвязей между элементами системы текстовых и внетекстовых событий и определения их приоритетности и достоверности. Причем в большинстве случаев предпочтение отдавалось результатам анализа рукописных и печатных источников текста.

Сравнительно-сопоставительный анализ этих источников выявил основные проблемы, осмысление которых позволило решать текстологические задачи без оглядки на базовые принципы традиционной текстологии.

Во-первых, творческая работа над “Тихим Доном” осуществлялась в течение длительного времени, и, по имеющимся данным, ограничена периодом в 16 лет – с 1925 г. (первые наброски начала романа) по 1941 г., когда впервые все восемь частей были напечатаны полностью в 4-х книгах [9].

Сосредоточенное и глубокое исследование рукописного наследия в новом издании “Тихого Дона” позволило впервые в шолоховедении определить истоки творческого процесса и установить последовательность создания первых трех набросков начала повествования.

Кроме того, в текстологическом послесловии к первым двум книгам [1, кн. 1, с. 712–713] на основе анализа автографов подтверждена дата завершения подготовительной работы и начала создания романа за два года до первой полной публикации 1-й части в журнале “Октябрь” (1928 г.), ранее известная лишь по свидетельствам самого автора – “примерно с конца 1926 года” [10, с. 5].

При этом установлено, что творческий процесс имел дискретный характер, который обусловлен заметными временными паузами между периодами создания и публикации отдельных частей романа “Тихий Дон”. Так, между первой публикацией трех первых книг (6 частей) отдельным изданием в 1933 г. и первой полной публикацией седьмой части книги в журнале “Новый мир” в 1937 г. прошло 4 года, а затем восьмая часть была опубликована в журнале “Новый мир” только в 1940 г. Следовательно, между первыми публикациями двух частей 4-й книги прошло 3 года, и завершением творческого процесса можно было бы считать две даты – 1940 г., когда появилась первая публикация 8-й, последней, части романа, или 1941 г., когда вышло в свет первое полное издание всех 4-х книг (8 частей) и роман впервые был представлен целостным и единым текстом [9].

Возможно, отсутствие авторской даты и сомнения в определении критериев выбора точного года окончания творческой работы над целостным текстом “Тихого Дона” побудили исследователей принять компромиссное

решение: в новом издании, вопреки принятым правилам в такого рода изданиях, произведение не датировано.

Во-вторых, процесс писания и печатания не был линейным, последовательным, как это чаще всего бывает в истории создания художественных текстов, когда автор завершает работу над рукописью, сдает ее в издательство, держит корректуру и произведение выпускается в свет.

В случае с “Тихим Доном” фрагменты текста каждой части романа печатались в газетах и журналах, а затем выходили отдельными изданиями в СССР и за его пределами синхронно с процессом создания других фрагментов той или иной части или следующих частей книги. Например, как показал анализ рукописей, замысел глав 2-й книги (4–5 части) сложился до начала работы над 1-й (1–3 части), а художественные формы 2-й части 1-й книги создавались параллельно с переработкой 1-й части.

Кроме того, нелинейным был и процесс движения текста от журнальной публикации к отдельному изданию, например, первой книги романа. Впервые установлено, что в октябре 1927 г. существовали две идентичные редакции, одну из которых М.А. Шолохов отнес главному редактору журнала “Октябрь” А.А. Серафимовичу, а вторую – в издательство “Московский рабочий” для публикации отдельным изданием. Именно это обстоятельство объясняет, по мнению текстологов, существенные различия между журнальной редакцией и отдельным изданием 1-й книги “Тихого Дона” и дает основание предположить, что «редакторы “Октября”, очевидно, без согласования с автором, весьма произвольно правили текст, не только подгоняя его к языковой и литературной норме, но не останавливаясь и перед изъятием целого ряда его фрагментов» [1, кн. 1, с. 749]. В то же время, в переписке писателя с женой обнаруживается свидетельство того, что в подготовке отдельного издания 1-й книги писатель принимал непосредственное участие – редактировал верстку и корректуру, продолжая творчески перерабатывать текст, в частности поправляя “провинциализмы и прочие вещи местного значения” [1, кн. 1, с. 751].

Установлено также, что события 7-й части были частично описаны до публикации 6-й части романа, а подготовка автором первой журнальной публикации третьей книги в 1932 г., а затем ее отдельного издания в 1933 г., шла параллельно с напряженным редактированием всех трех книг (6-ти частей) для отдельного издания, вышедшего в 1933 г.

Таким образом, в ходе исследования промежуточные печатные источники текста превращались в историко-генетический материал (авантекст), вовлеченный в анализ творческих трансформаций и природы авторских изменений текста в едином процессе – писания и публикаций.

В-третьих, рукописи сохранились далеко не полностью и поэтому дают лишь фрагментарное представление о перипетиях развития языка, стиля и художественных образов в допечатных источниках текста.

И это обстоятельство, с одной стороны, затрудняет идентификацию авторского слова, требуя сложных сопоставлений и сопоставлений при определении аутентичности варианта, обнаруженного в печатных текстах. С другой стороны, в некоторых случаях отсутствие сопоставительного материала в рукописях облегчает проблему текстологического выбора, поскольку в автографах тоже присутствуют описки, которые впоследствии исправлялись, как исправлялись опечатки печатных источников в переизданиях и появлялись новые.

Вместе с тем, автографы и их копии не могут претендовать на статус абсолютно достоверных источников, поскольку отражают лишь начальный этап творческой работы, который, как свидетельствует история текста “Тихого Дона”, продолжался в процессе подготовки публикаций фрагментов, глав и частей текста в газетах, журналах и отдельных изданиях. Как наглядно продемонстрировано в текстологических послесловиях, между первой журнально-газетной публикацией и отдельным изданием части или книги обнаруживаются разночтения на генетическом уровне – в трансформациях и динамике сюжетно-композиционного, образно-художественного и языкового воплощения замысла.

В-четвертых, нет ни одного издания, в котором в полной мере воплощена творческая воля автора.

Анализ разночтений показал, что в каждой последующей публикации наряду с вероятными авторскими изменениями появлялись не только опечатки, пропуски и ошибки, но и редакторские искажения, мотивированные предположительной художественной целесообразностью, цензурными соображениями или требованиями унификации языковых образов, приведения лексики и стиля к установленным нормам литературного языка.

Так, в результате сравнительно-сопоставительного анализа обнаружены искажения текста уже на этапе переписывания, а затем перепечатки текста машинисткой для издательства. Опечатки кочевали из издания в издание, правда, иногда исправлялись. Редакторским вмешательством в текст изобилует и первое издание двух книг, выпущенное в 1931 г. Эти исправления объясняются ошибочным толкованием значений слов и выражений: щерясь → шурясь, выказывали → высказывали, высокий порожек → веселый порожек, прозрачных ломтика → призрачных ломтика, и т.д. [1, кн. 1, с. 757–758]. Во всех изданиях имела место замена диалектных форм речи персонажей на литературно-нормативные. Следует особо отметить, что такого рода исправления присутствуют и в наиболее авторитетном, по мнению исследователей, первом отдельном издании 3-х книг романа, вышедшем в 1933 г. В этом признавался его редактор Ю.Б. Лукин [1, кн. 1, с. 763]. Кроме того, в

тексте этого издания, которое выбрано как основное, обнаружилось достаточно редакторских искажений и купюр цензурного характера.

В-пятых, при подготовке отдельных изданий книг романа М.А. Шолохов вынужден был, по его признанию, реагировать на критику и требования цензуры [1, кн. 1, с. 766].

Между тем факты цензуры и автоцензуры в едином авторско-редакторском потоке правки отделить весьма затруднительно, хотя в некоторых случаях можно определить типологические черты цензурных изменений. Например, идеологические изъятия, связанные с запретами именовать в 1930-е годы казачество национальностью, замены слова “хохол” на “украинец”, значительных купюр, которые содержали описание одного из самых драматичных эпизодов Гражданской войны на Дону – восстания казачества в апреле 1918 г. в Новочеркасске. В повествование об этих трагических событиях была первоначально вплетена история личных взаимоотношений Анны Погудко и Ильи Бунчука, которая затем подверглась значительной правке, нарушившей внутритекстовые связи и целостность художественных образов [1, кн. 1, с. 767–769].

Тем не менее, устранять цензурные искажения возможно было лишь в том случае, если документально подтверждались присутствие “чужого” слова и несогласие автора на изменения.

В-шестых, последняя авторская воля неизбежно должна была проявиться в прижизненных изданиях послевоенной поры, подготовка которых очевидно не могла проводиться без участия М.А. Шолохова.

Следует заметить, что в это время редакторы издательств были вооружены инструментами и полномочиями, узаконенными в теории и практике советской текстологии, сформировавшейся в 1930–1950 гг. при подготовке собраний сочинений отечественной классики, то есть как раз в тот период, когда создавался, публиковался и переиздавался роман “Тихий Дон”. Эти эдиционные инструменты расширяли полномочия редактора при правке художественных текстов и допускали произвольную адаптацию стиля и языка писателя согласно установленным нормам языкового существования той поры.

И действительно, в изданиях послевоенного времени обнаружено значительное количество разночтений содержательного и стилистического характера неустановленной принадлежности. В то же время свидетельства современников и письма указывают на то, что М.А. Шолохов принимал участие в подготовке послевоенных собраний сочинений вплоть до 1983 г. Но одних свидетельств автора и его современников, согласно принципам научного издания, недостаточно для определения авторской принадлежности поправки.

К тому же анализ текста “Тихого Дона”, включенного в состав собраний сочинений, по мнению тексто-

логов, не дает обоснованных подтверждений авторской принадлежности выявленных изменений текста. Правда, на записках редактора К.И. Приймы сохранилось несколько резолюций, указывающих на согласие или отказ автора принять то или иное предложение об изменении текста, например, согласие восстановить имя Троцкого, изъятое в довоенных изданиях по цензурным соображениям. Эти резолюции, приведенные в научном издании, разумеется, свидетельствуют о проявлении последней воли автора в 1983 г. Однако нескольких резолюций недостаточно для установления авторства иных изменений текста, не отмеченных автором, и они не могут служить необходимым основанием для утверждения о том, что М.А. Шолохов активно готовил к изданиям текст и вносил в него правку.

Таким образом, авторизация прижизненных послевоенных изданий является внетекстовой, а значит, по разумению исследователей, имеет вероятностный характер. Исходя из этих соображений, а также анализа текстовых и внетекстовых факторов, повлиявших на изменения текста, обнаруженные разночтения были включены в историю печатного текста, однако при внесении правок в выбранный основной текст в качестве достоверных и решающих аргументов не рассматривались.

Проблемы исследования, обозначенные выше, вызвали потребность в определении базового принципа издания – приоритета *последней творческой воли автора*, сформулированного еще Д.С. Лихачевым [11] и С.А. Рейсером в целях обеспечения неприкосновенности авторского текста [12, с. 22]. В этом определении было найдено компромиссное решение соединить принципы *последней* и *творческой* воли автора. Первый принцип долгое время считался в советской текстологии основополагающим, а затем был подвергнут критике как механический, ограничивающий возможности исследования закономерностей создания художественного текста и внесения поправок по всем его источникам. Снятие таких ограничений основывалось на понимании творческой воли как явления не статичного, а динамичного [11, с. 63], поскольку, как отмечал Г.О. Винокур, “нет решительно ни одного достоверного случая, в котором мы могли бы ручаться, что то или иное оформление поэтического замысла есть оформление действительно окончательное” [13, с. 17].

Принцип последней творческой воли позволял снять эти ограничения, однако, как в случае с “Тихим Доном”, имел весьма неопределенные основания при выявлении творческого начала в каждой конкретной текстологической ситуации. Как отделить творческую поправку от нетворческой? Ведь нередки случаи, когда исправление “чужого слова”, в том числе редакторского вмешательства, автоцензуры приводили к появлению новых оттенков художественной выразительности.

Представленные аналитические материалы исследова-

ния дают основания предположить, что последняя творческая воля автора рассматривается как *результат творческой работы, завершающий процесс создания художественного целого*. Причем этот результат может быть воплощен как в завершающем издании целостного текста, так и публикации его частей.

Согласно такому пониманию принципа последней творческой воли автора, для каждой книги романа “Тихий Дон” был осуществлен выбор основного источника текста. В результате получилось, что текст как художественное целое представлен по 4-м изданиям.

Первые две книги (5 частей) печатаются по первому отдельному изданию всех трех книг, выпущенному в государственном издательстве художественной литературы (ГИХЛ) в 1933 г. [14].

Третья книга (шестая часть) печатается по тексту первого отдельного издания, выпущенного в государственном издательстве художественной литературы (ГИХЛ) в 1933 г. [15] “с большим количеством исправлений, которые стали следствием как накопившихся ошибок и фактических неточностей, так и цензурной правки романа” [1, кн. 2, с. 818].

Четвертая книга (7–8 части) печатается по двум источникам: седьмая часть – по авторизованной машинописи для первого отдельного издания четвертой книги, выпущенного в 1940 г., без учета редакторской правки Ю.Б. Лукина [16]; восьмая часть – по тексту, напечатанному в журнале “Новый мир” в 1940 г. [17].

Таким образом, в научном издании “Тихого Дона” представлен контаминированный текст, и это смелое решение до основания разрушает текстологическую традицию изданий целостных текстов отечественной классики.

В рамках этой традиции, с одной стороны, Г. Винокур называл установление текста “селекцией” и утверждал, что “всякое критическое установление текста есть сводка из разных списков и редакций, всякий критически установленный и подлинный текст есть сводный текст” [13, с. 93].

С другой стороны, Д.С. Лихачев считал, что “совершенно недопустимо в любом издании смешивать различные тексты, различные слои текста, различные редакции. Сводные тексты, в которых текст якобы восстанавливается в его первоначальном или авторском облике, должны быть решительно отвергнуты” [11, с. 85].

В современных текстологических исследованиях контаминация тоже считается недопустимой в том случае, если она произведена в соответствии “со вкусовыми и идеологическими предпочтениями исследователя” [18, с. 4].

В контексте текстологической традиции основания целесообразности выбора разных источников текста “Тихого Дона” заслуживают пристального внимания.

Выбор первого отдельного издания 3-х книг романа (1933 г.) [14] в качестве источника текста для первых

2-х книг основан, прежде всего, на понимании того, что «одна из важнейших задач, которую решал Шолохов в работе над текстом “Тихого Дона”, состояла в достижении художественно целостного произведения, что предполагало, в том числе, и приведение первых двух книг романа в органическое единство с третьей книгой, которая явилась отражением нового творческого развития писателя. Теперь ему отчетливее виделись не только движения сюжета, перспективы судеб героев, но и “даль романа”, все произведение в целом» [1, кн. 1, с. 770].

Причем приоритетность данного источника обосновывается следующими аргументами:

- 1) авторизация имеет документальные и аналитические основания;
- 2) завершение творческого процесса;
- 3) реализация творческой манеры писателя, выраженная в особенностях языка и стиля периода создания романа;
- 4) принятие источника текста за основу всех последующих изданий романа.

Между тем, вопреки пониманию художественной целостности текста выбранного издания, в качестве источника для 3-й книги романа было выбрано другое издание – текст первого отдельного издания третьей части, выпущенный в том же издательстве и в том же году, причем с приведением практически тех же аргументов [1, кн. 2, с. 817]:

- 1) завершение истории создания части романа (но не всего романа);
- 2) полнота художественного текста, деформированного в последующих изданиях;
- 3) сохранение особенностей творческой манеры писателя, стиля и языка конца 1920-х – начала 1930-х годов.

Аргументированных доводов в пользу выбора отдельного издания 3-й книги в текстологическом послесловии не приводится, хотя и отмечается свидетельство Шолохова о том, что в конце 1932 г. он готовил все три книги как художественное целое и они “претерпели некоторую авторскую переработку” [1, кн. 2, с. 806].

Творческая работа над первыми тремя книгами действительно завершилась в 1933 г., между тем формирование художественной целостности произведения продолжалось в работе над четвертой книгой вплоть до 1940 г., а первые три книги выпускались отдельными изданиями с новыми вариантами текста, причем участие автора одинаково трудно подтвердить или опровергнуть в каждой конкретной текстологической ситуации.

Следует отметить, что для текста четвертой книги выбраны два источника в качестве основных вопреки пониманию художественной целостности этого текста, создававшегося в течение семи лет.

Для седьмой части предлагается первый слой наборной рукописи для первого отдельного издания четвертой книги – машинопись, очищенная от редакторской правки. Правда документальных и аналитических

доводов в пользу этого выбора не приводится, как не приводятся обоснованные аргументы при выборе публикации в журнале “Новый мир” в качестве основного источника для текста восьмой части.

Между тем, в 1940 г. было выпущено отдельное издание четвертой книги, которое, согласно текстологическому послесловию, мало чем отличается от текстов машинописи и журнальной версии. К тому же предложенные поправки уже были внесены в это издание [1, кн. 2, с. 854]. Научные основания контаминации текстов разных источников, нарушающих единство и целостность 4-й книги, видимо, в новом издании не представлялись существенными и не подлежали рассмотрению и анализу.

Длительный период создания и печатания “Тихого Дона”, огромное количество печатных текстов разной степени качества и авторизации, анализ разночтений, выявленных в доступных рукописных и печатных источниках, приводят к мысли о том, что проблема выбора основного источника текста, первостепенная в традиционной текстологии, в случае с научным установлением текста шолоховского романа является в известном смысле технической. Из всех рассмотренных авторитетных изданий отдельных частей романа можно было бы выбрать любые тексты и внести в них поправки по всем имеющимся источникам. Вопрос лишь в количестве этих поправок.

Между тем решение текстологических задач сопряжено не только с очищением авторского текста от искажений и описанием истории текста, но и с сохранением свойств текста – связности, единства и целостности художественного повествования и стиля произведения, которые неизбежно сопряжены с “целостностью языка и культурного контекста и целостностью биографического опыта автора” [19, с. 23].

Признавая эту необходимость, следует согласиться с тем, что проблема сохранения связности, единства и художественной целостности произведения кажется неразрешимо острой при контаминации текстов, содержащих невероятное количество вариаций, чреватых разрывом связей, появлением стилевых и смысловых противоречий, разрушением смысловых соотношений части и целого.

В истории создания романа, как уже отмечалось, существовал целостный текст – в 1941 г. впервые был напечатан роман “Тихий Дон” в четырех книгах [9]. Это издание, “за исключением ряда отдельных поправок, не имеет каких-либо существенных отличий от предшествовавших ему изданий, начиная с 1933 г.” [1, кн. 1, с. 774].

Правда, справедливости ради, следует сказать, что в этом издании, как и в остальных, обнаружены очевидные опечатки. Однако в нем “имеются и обоснованные исправления, в результате которых было восстановлено авторское написание тех или иных слов, <...> впервые

были исправлены некоторые ошибки смыслового характера, не замеченные автором и редакторами в предыдущих изданиях” [1, кн. 1, с. 773]. В послесловии к 1-й и 2-й книгам приводятся убедительные примеры таких исправлений: “выгнутых век” → “выгнутых ресниц”; “Левое плечо вперед... арш!.. Сотни, извиваясь, сворачивают влево” → “Левое плечо вперед... арш!.. Сотни, извиваясь, сворачивают вправо”; “не выровняв тонкой угловатой ее фигуры” → “не округлив тонкой угловатой ее фигуры” и др. [1, кн. 1, с. 773–774].

Наконец, нельзя исключать вероятности того, что при выборе текста 1941 г. в качестве основного источника проблема контаминации проявилась бы лишь в отдельных случаях при восстановлении подцензурных фрагментов. Однако в текстологических послесловиях, в особенности к 3-й и 4-й книгам, этому изданию, впервые воплотившему художественное целое великого романа, уделено незаслуженно меньшее внимание, чем последующим изданиям, появившимся после реализации последней творческой воли автора.

Примечательно, что текстологические события, вызывающие соблазн интерпретации, неизбежно приводили к пониманию необходимости соблюдения выбранных принципов и методов анализа, и в то же время, эти принципы и научные подходы вырабатывались в процессе изучения и систематизации материала. Исследование сложной истории текста “Тихого Дона” было ограничено, с одной стороны, выработанными принципами достоверности, обоснованности и документированности, а с другой стороны, возможностями их воплощения небольшой группой текстологов.

Следует отметить, что в научном издании “Тихого Дона” сравнительно-сопоставительный анализ рукописных и печатных текстов, обработка и систематизация полученных данных, формирование свода авторизованных изданий производились вручную, и можно с уверенностью сказать, что работа такого объема была осуществлена впервые за всю историю отечественной текстологии.

Результат этой работы вызывает размышления, выходящие далеко за пределы шолоховской тематики. Прежде всего возникают сомнения в аутентичности и качестве изданных в прошлом веке текстов отечественной классики, канонизированных в собраниях сочинений и ставших объектом многочисленных исследований в области литературы, языка и культуры.

Кроме того, кажется очевидной неизбежная субъективность редакторских и текстологических решений и, следовательно, необходимость развития методов получения филологических знаний, способствующих автоматизации процесса сбора и обработки данных большого массива текстов и минимизации влияния человеческого фактора.

В то же время, как показало научное издание “Тихого Дона”, масштаб и глубина исследования, качество

и обоснованность текстологического решения полностью зависят от знаний, компетенций и творческого потенциала текстолога. А значит, от него зависит и доверие читателя к тексту, представленному в издании, а главное, историческая достоверность художественных текстов, которые служат основанием фундаментальных филологических исследований.

Не остается сомнений в том, что в современных условиях процесс получения филологического знания нуждается в увеличении возможностей обработки больших массивов текстов с применением инструментов *цифровой текстологии*, обеспечивающих реализацию принципов достоверности и документированности на основе автоматизации наиболее трудоемких операций в ходе историко-генетического и факторного анализа имеющихся источников текста. И очевидно, что в этом процессе роль исследователя, его творческих возможностей и компетенций будет только возрастать.

Все эти обстоятельства открывают возможность для качественных изменений текстологических исследований, вероятно, с помощью целевой поддержки государством развития ресурсной базы, включая программы информационного обеспечения и подготовку необходимых компетенций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шолохов М.А. Тихий Дон. Научное издание в двух томах / Под ред. Н.В. Корниенко, Г.Н. Воронцовой, Ю.А. Дворяшина, А.Б. Куделина, Ф.Ф. Кузнецова, В.В. Полонского, А.М. Шолохова, А.М. Ушакова, Е.А. Тюриной. М.: ИМЛИ РАН, 2017.
2. Михаил Шолохов / Тихий Дон. Рукопись. Книга первая. Книга вторая. Факсимильное издание. Москва–Киев–Париж: ИМЛИ А.М. Горького РАН, “Библиотека журнала “Дніпро”, “Московский писатель”, 2005.
3. Михаил Шолохов. “Тихий Дон”. Динамическая транскрипция рукописи. М.: ИМЛИ РАН, 2011.
4. Бонди С.М. О чтении рукописей Пушкина // Бонди С.М. Черновики Пушкина: Статьи 1930–1970 гг. 2-е изд. М.: Просвещение, 1978. С. 143–190.
5. Шапир М.И. “Евгений Онегин”: проблема аутентичного текста // Шапир М.И. Статьи о Пушкине. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 275–302.
6. Фомичев С.А. Новое академическое Полное собрание сочинений Пушкина в системе источниковедческих изданий // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователь. М., 2003.
7. Захаров В.Н. Текстология как технология / Проблемы текстологии Ф.М. Достоевского. Вып. 1: Проблемы текстологии романов “Преступление и Наказание”, “Идиот”, “Бесы”. Петрозаводск, 2009.

8. Пильщиков И.А. Порядок полемики (О фантоме “новая текстологическая программа”) // Вопросы литературы. 2004. № 5.
9. Шолохов М.А. Тихий Дон. М.: Гослитиздат, 1941.
10. Экслер И. В гостях у Шолохова // Известия. 1937, 31 декабря.
11. Лихачев Д.С. Текстология. Краткий очерк. М.–Л., 1964.
12. Рейсер С.А. Палеография и текстология нового времени. М., 1970.
13. Винокур Г. Критика поэтического текста. М., 1927.
14. Шолохов М.А. Тихий Дон: В 3-х кн. М.: ГИХЛ, 1933.
15. Шолохов М.А. Тихий Дон. Кн. 3. М.: ГИХЛ, 1933.
16. Шолохов М.А. Тихий Дон. Авторизованная машинопись седьмой части для первого отдельного издания четвертой книги. 16 февраля 1940 г. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 8306. Л. 1–349.
17. Шолохов М.А. Тихий Дон. Часть восьмая // Новый мир. 1940. № 2–3. С. 3–120.
18. Перцов Н.В., Пильщиков И.А. О лингвистических аспектах текстологии // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 3–30.
19. Полонский В.В. Филология vs философия? В поисках выхода из тупика интерпретаций // Studia Litterarum. 2016. Т. 1. № 1–2. С. 14–25.
8. Piltshikov, I.A. Polemical Order (To the Phantom “The New Textology Programm”). *Literature Studies*. 2004. N 5. (In Russ.)
9. Sholokhov, M.A. And Quiet Flows The Don. Moscow, Goslitizdat Publ., 1941. (In Russ.)
10. Eksler, I. Visiting Sholokhov. *The News*. 1937, December, 31. (In Russ.)
11. Likhachev, D.S. Textology. A Short Study. Moscow, Leningrad, 1964. (In Russ.)
12. Reyser, S.A. Paleography and Textology of New Time. Moscow, 1970. (In Russ.)
13. Vinokur, G. Poetical Text Criticism. Moscow, 1927. (In Russ.)
14. Sholokhov, M.A. And Quiet Flows The Don: in 3 Books. Moscow, GIKHL Publ., 1933. (In Russ.)
15. Sholokhov, M.A. And Quiet Flows The Don. Book 3. Moscow, GIKHL Publ., 1933. (In Russ.)
16. Sholokhov, M.A. And Quiet Flows The Don. The Authorized Typing of the 7th Part for the 1st Separate Edition of the 4th Book. 1940, February, 16. RGALI. Fond 613, Inventory 1, Storage Unit 8306, Page 1–349. (In Russ.)
17. Sholokhov, M.A. And Quiet Flows The Don. Part 8. *Novy Mir*: 1940. N 2–3. P. 3–120. (In Russ.)
18. Pertsov, N.V., Piltshikov, I.A. To Linguistic Aspects of Textology. *Topics in the Study of Language*. 2011. N 5. P. 3–30. (In Russ.)
19. Polonskiy, V.V. Philology vs Philosophy? Looking for a Way Out From Interpretations Standoff. *Studia Litterarum*. 2016. Vol. 1. N 1–2. P. 14–25. (In Russ.)

REFERENCES

1. Sholokhov, M.A. And Quiet Flows The Don. A Scientific Edition in Two Volumes. Kornienko, N.V., Vorontsova, G.N., Dvoryashin, Yu.A., Kudelin, A.B., Kuznetsov, F.F., Polonskiy, V.V., Sholokhov, A.M., Ushakov, A.M., Tyurina, Ye.A. Moscow, IMLI RAN Publ., 2017. (In Russ.)
2. Sholokhov, M.A. And Quiet Flows The Don. Manuscript. Book One. Book Two. Facsimile Edition. Moscow, Kiev, Paris, A.M. Gorky IMLI RAN Publ., Bibliotheka Jurnalа Dnipro Publ., Moskovskiy Pisatel Publ., 2005. (In Russ.)
3. Sholokhov, M.A. And Quiet Flows The Don. A Dynamic Transcription Of the Manuscript. Moscow. IMLI RAN Publ., 2011. (In Russ.)
4. Bondi, S.M. Pushkin’s Manuscripts Reading. *Bondi, S.M. Pushkin’s Drafts: Articles 1930-1970. The 2nd Edition*. Moscow, Prosveshenie Publ., 1978. P. 143-190. (In Russ.)
5. Shapir, M.I. “Eugene Onegin”: a Problem of the Authentic Text. *Shapir, M.I. Articles on Pushkin*. Moscow, Yazyki Slavianskoy Kultur Publ., 2009. P. 275-302. (In Russ.)
6. Fomichev, S.A. The New Academic Complete Works of Pushkin in the System of Source Studies Publications. *Issues of Textology and Editorial Practice: French and Russian Studies Experience*. Moscow, 2003. (In Russ.)
7. Zakharov, V.N. Textology as Technology. *Issues of F.M. Dostoevskiy Textology. Issue 1: Textology Issues of the Novels “Crime and Punishment”, “The Idiot”, “Demons”*. Petrozavodsk, 2009. (In Russ.)

Н.П. Великанова,
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы,
дом 1, строение 46
nvelikanova@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию
3 июня 2018 г.

Natalia P. Velikanova,
Candidate of Philological Sciences,
Leading Researcher at the Economy Department
of the M.V. Lomonosov Moscow State University
1–46 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
nvelikanova@gmail.com

Received by Editor on June 3, 2018.